

УДК 94(470)»16/18»

**КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ (СТАМБУЛЬСКИЙ) ДОГОВОР 1724 г.
И ЕГО РОЛЬ ДЛЯ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ**

Д.С. Кидирниязов,
Институт ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

daniyal2006@ramler.ru

Аннотация: В статье рассматривается значение Стамбульского мирного договора 1724 г. для народов региона. Кроме того, показана борьба Российской империи с султанской Турцией за Северо-Восточный Кавказ и отношение местных владетелей к этому противостоянию региональных держав. Кроме того, договор признавал за Россией владения, принадлежавшие ей ранее, области, переданные ей шахским Ираном по Петербургскому договору 1723 г., а также часть земель по Самуру, считавшихся под протекцией Сурхай-хана. К Порте переходили бывшие шахские владения в Азербайджане (кроме Ардебил), Грузии, Армении и часть западных областей Персии. В Дагестане под власть османского султана отходили Ахты, Рутул, Цахур и часть лезгинских земель, считавшихся под покровительством Сурхай-хана Казикумухского.

Мирный трактат 1724 г. открывал долгосрочные перспективы для реализации геостратегических целей на Кавказе как для султанской Турции, так и для России в ущерб интересам народов региона.

Abstract: The paper shows the significance of the 1724 Istanbul peace treaty for the population of the region. It also covers the struggle of the Russian Empire against the Turkish Empire for the North-East Caucasus and the attitude of the local rulers to this confrontation of the regional powers. Besides, according to the treaty Russia was given the territories which had belonged to Russia before, the areas surrendered to Russia by Iran by 1723 treaty of St. Petersburg, as well as some part of the Samur land that had been under Surkhay Khan's protection. The Porte was given the former shah lands in Azerbaijan (except Ardebil), Georgia, Armenia and part of the western regions of Persia. In Dagestan under the Ottoman sultan were Akhty, Rutul, Tsakhur and part of Lezghin land, which had been under the protection of Surkhay Khan from Kazi-kumukh.

1724 peace treaty opened the long-term prospects for realization of geo-strategic objectives in the Caucasus for both the Turkish Empire and Russia but to the detriment of the local people.

Ключевые слова: Россия, Турция, Иран, Кавказ, Дагестан, политика, народы, конфликт, договор, дипломатия.

Keywords: Russia, Turkey, Iran, Caucasus, Dagestan, policy, people, conflict, treaty, diplomacy.

Каспийский поход 1722 г. ясно показал императору Петру I, что на Кавказе Российская империя не в состоянии вступить в серьезный вооруженный конфликт ни с султанской Турцией, ни с Сефевидским Ираном, поскольку без разрешения проблемы Азова и Крыма невозможно было вплотную заняться решением кавказской проблемы. К тому же Россия не располагала в исследуемый период для этого необходимыми средствами. Практические шаги российской дипломатии свидетельствуют о том, что Петербург стремился к нормализации российско-османских отношений, заключению компромиссного мирного договора, призванного утвердить статус-кво в регионе.

Осенью 1723 г. военные действия Порты на Южном Кавказе возобновились с новой силой. В октябре 1723 г. многочисленная османская армия выступила из Тифлиса к Гяндже, чтобы соединиться с Хаджи-Даудом Мюшкюрским, но была разбита объединенными силами армян, грузин и дагестанских повстанцев. Отступавшие султанские войска подверглись нападению кахетинского царя Константина и дагестанских горцев, вынудивших османов отступить в

Картлию. Сераскер Южного Кавказа Ибрагим-паша был отстранен от должности (*Кидирниязов Д.С.*, 2012. С. 181).

Несмотря на поражение под Гянджой, османы продолжали свою политику утверждения на Кавказе, объявив в Шемахе в конце октября «публично султанский указ и диплом, в какой силе шейх Дауду провинция Ширван под владение от султана назначена» (Цит. по: *Сотавов Н.А.*, 1991. С. 64–65). Однако эта акция Порты имела обратный результат. Дагестанские владетели не признали верховной власти Хаджи-Дауда, а съехались в урочище Худат, чтобы поделить закрепленные за ним земли так, чтобы «быть Шемахе и Баке городу за Шамхалом, да Мюскер, Шабран за Даудом, да Кубе и Калхан за Усмеем, а городу Дербени за Майсумом» (*Сотавов Н.А., Касумов Р.М.*, 2008. С. 60). Реализовать намеченный план им не удалось, так как в Шемаху прибыл из Грузии сераскер Сары Мустафа-паша «с тысячью человек конницы, дабы все оные владельцы у Порты в послушании содержать» (Цит. по: *Сотавов Н.А., Касумов Р.М.*, 2008. С. 60).

Убедившись в слабости позиций Хаджи-Дауда Мюшкюрского, султан пытался склонить на свою сторону казикумухского владетеля Сурхай-хана, продолжавшего придерживаться выжидательной тактики. В декабре 1722 г. Сурхай-хан Казикумухский сам обратился к тарковскому шамхалу Адиль-Гирею с просьбой примирить его с Россией, выражая желание быть в ее подданстве. Однако российское правительство отказало в протекции Сурхай-хану, мотивируя это тем, что «ему, Суркаю, невозможно верить» (*Русско-дагестанские отношения*, 1958. С.273). Это решение вызвало недовольство казикумухского хана. Весной 1723 г. Сурхай-хан обратился к тарковскому шамхалу с требованием добиться вывода российских войск, предупреждая, что «буде сего не учинишь, все дагестанские народы соберутся от Зунты до самой Куре и против тебя, и против русских и много будет конфузий» (*Русско-дагестанские отношения...*, 1958. С. 279).

Но Сурхай-хану не удалось учинить «конфузий» ни над шамхалом Адиль-Гиреем, ни над оставшимися российскими гарнизонами, ввиду того что вплоть до осени 1723 г. в знак верности России дали аманатов владетели Аксая, Эндирея, Эрпели, Кайтага, Табасарана (*Кидирниязов Д.С.*, 2011. С. 182). Учитывая эту тенденцию во внешнеполитической ориентации дагестанских правителей, в июле 1723 г. Сурхай-хан лично обратился в Коллегию иностранных дел. Он заверял, что «дружба и пароль, которой я вам дал, и ныне оное содерживается, и кто вам недруг и мне недруг, а кто вам друг, тот и мне также друг», предлагая подданным России свободный проезд в подвластные ему Казикумухское ханство и союзы сельских общин (Цит. по: *Сотавов Н.А.*, 1991. С. 65).

Российское правительство и на сей раз оставило без ответа обращение Сурхай-хана, чем воспользовался Хаджи-Дауд. В начале мая от дербентского наиба поступило сообщение, что «Дауд-бек умышлением своим велел в Шемахе брату своему Мамат-хану сочинить письма фальшивые через турецкого Ахуна... те письма прислать из Шейхи с почтарями как к нему, Дауд-беку, так и к шамхалу в Дербень... тем почтарям сказывать в народе, будто оные почтари едут с письмами к нему от турецкого султана, и пустить славу, что и войско турецкое, и артиллерия идет к нему, Дауд-беку, на помочь» (*Махмудова К.З.*, 2012. С. 237).

Однако и эта затея закончилась полным провалом. Дагестанские владетели продолжали враждовать с Хаджи-Даудом Мюшкюрским, стараясь изгнать его из Шемахи. Попытка султана примирить своего ставленника с шамхалом и уцмием не имела успеха. От Хаджи-Дауда Мюшкюрского отошли жители Гулахана, Чачахлы, Седюли, Шабрана и других мест. В конце мая 1723 г. в Шемахе номинально управляли двое: брат Хаджи-Дауда Мамат-хан и дядя Сурхай-хана Качай, которому фактически принадлежала власть в городе.

Опасаясь открытого конфликта с Россией, Порты вместе с тем старалась сколотить союз местных владетелей с крымским ханом для вытеснения российских войск из Северного Кавказа. 31 мая 1723 г. дербентский комендант А.Т. Юнгер извещал А.П. Волынского, что «де намерен ис Крыму Бахтыгерей салтан со своими, совокупясь с Усмеем и Дауд-беком и прочими горскими бесюрманские народы, иттить на крепость Святого Креста» (Цит. по: *Махмудова К.З.*, 2012. С.238). В самом Дербенте эмиссары султана спровоцировали заговор с участием наиба, но заговор был раскрыт и быстро ликвидирован (*Сотавов Н.А.*, 1991. С. 68). В целом положение Хаджи-Дауда Мюшкюрского оставалось непрочным. Многочисленные данные убедительно подтверждают, что Шемаха превратилась в объект острой борьбы между Хаджи-Даудом, с одной стороны, Сурхай-ханом, шамхалом Адиль-Гиреем и уцмием Ахмед-ханом – с другой (*Мустафазаде Т.Т.*, 1993. С. 79).

Из-за неустойчивости ситуации российско-османские переговоры о разграничении на Кавказе и Прикаспийских областях продвигались с трудом. Не желая втягиваться в войну с султанской

Турцией, Петербург искал мирное решение конфликта, но прочно сохранял занятые позиции, не уступая угрозам султанского двора. 23 декабря 1723 г. русский резидент в Стамбуле И.И. Неплюев при поддержке де Бонака предложил прекратить военные действия в тех пределах, какими владели обе стороны. Российские войска к тому времени контролировали приморскую часть Северо-Восточного Кавказа, Баку, Энзели и Решт. Турецкий султан, распространивший свою власть на Западную Армению и часть Грузии, согласился послать указ к своим командующим в Южный Кавказ не предпринимать враждебных действий по отношению к российским подданным. Вместе с тем он вновь попытался использовать тактику угроз и шантажа, чтобы заставить российскую сторону отступить. После встреч с английским и австрийским послами в конце года Порта известила И.И. Неплюева, что султанское правительство намерено вести переговоры лишь о тех местах, где находятся русские гарнизоны, остальные же персидские провинции (Астрабад и Мазендеран) оно будет отстаивать силой. По предписанию своего правительства И.И. Неплюев решительно отклонил притязания Порты на переданную России часть Прикаспия. «В таком случае, – ответили ему 2 января 1724 г., – объявляется война» (Цит. по: *Соловьев С.М.*, 1993. Кн. 9. Т. 18. С. 400).

9 апреля 1724 г. император Петр I указал И.И. Неплюеву: «Наши интересы... не допускают, чтоб какая другая держава, чья б ни была, на Каспийском море утвердилась: а что касается Дербента и других мест, в которых наши гарнизоны находятся, то они никогда во владении персидских бунтовщиков, ни лезгинцев, ни Мирвеиза не бывали, а по собственному их письменному и словесному прошению, как то бывшему при нашем дворе турецкому посланнику, явно доказано: под покровительство наше добровольно отдались; и если Порта в противность вечному миру будет принимать под свое покровительство лезгинцев, наших явных врагов, то тем менее должно быть противно Порте, если мы принимаем под свое покровительство народы, не имеющие никакого отношения к Порте и находящиеся в дальнем от нее расстоянии, на самом Каспийском море, до которого нам никакую другую державу допустить нельзя. Если Порта безо всякой со стороны нашей причины хочет нарушат вечной мир, то мы... к обороне своей... потребные способы найдем» (*Соловьев С.М.*, 1993. Кн. 9. Т. 18. С. 387).

Жесткая позиция султанской Турции в немалой степени объяснялась интригами западноевропейских дипломатов. Станьян уверял великого визира в том, что Россия намерена овладеть всей восточной торговлей, что невыгодно Османской империи. Если это случится, тогда англичане и другие европейцы выедут из Турции к великому ущербу султанской казны. «Поэтому Порта, – предлагал он везиру, – оружием должна остановить успехи русских на Востоке; и если Порта объявит войну России, то получит денежное вспоможение не только от короля, но и от всего народа английского» (Цит. по: *Соловьев С.М.*, 1993. Кн. 9. Т. 18. С. 401).

О характере «дружеского» посредничества де Бонака И.И. Неплюев сообщал Петру I, что французский посол требовал, «дабы Ваше Величество соизволили войскам своим повелеть от границ турецких ретироваться, яко татары от того имеют подозрение и Порте внушают» (Цит. по: *Сотавов Н.А., Касумов Р.М.*, 2008. С. 62). В другой реляции он отмечал, что «от французского посла помочи ни в чем не имел... но паче приговаривал мне с великим приотягчением, дабы я по турецкому желанию к трактату склонился» (Цит. по: *Сотавов Н.А.*, 1991. С. 67).

Не без влияния европейских держав султан продолжал упорствовать, отказываясь от своих недавних предложений. Его цель, как отмечал И.И. Неплюев, заключалась в том, чтобы получить Прикаспийские области, «отлуча шаха Тахмасиба от Его Императорского Величества союза, а потом бы Мир Вейса (Мир Махмуда. – Авт.) в протекцию принять, яко и шейх Дауда, таким образом Персией без труда овладеть, может быть, потом и Его Величества владения тамо лишить» (*Сотавов Н.А.*, 1991. С. 67). Следуя указаниям российского правительства, дипломат И.И. Неплюев твердо заявил, что «если турки возымеют претензию заставить царя отказаться от завоеванных им в Персии земель, то это будет лучшим средством побудить его продолжать свои завоевания». Если же султан проявит добрую волю к соглашению, то дружественные отношения между державами значительно укрепятся. В Петербурге также предупредили английского резидента, что «царь не потерпит более, чтобы какая бы то ни была держава предписывала ему законы, как Англия делала это прежде и пытается делать снова» (Сб. РИО, 1885. Т.49. С.297).

Все же России и султанской Турции удалось достичь соглашения. Непреклонная позиция российского правительства подвигла Ибрагима-пашу при очередной встрече с И.И. Неплюевым на решение уступить Российской империи Каспийское побережье до слияния рек Аракс и Кура. С новыми предложениями Стамбула в Петербург был направлен специальный курьер, который привез положительный ответ в начале мая. Несмотря на негативную реакцию европейских держав,

переговоры завершились заключением 12 июня 1724 г. в Стамбуле трактата о разделе сфер влияния на Кавказе (*Кидирниязов Д.С.*, 2013. С.172).

Центральное место в договоре занимал вопрос о Ширване, который должен был представлять собой особое ханство ширванских лезгин во главе с Хаджи-Даудом Мюшкюрским (*Алиев Ф.М.*, 1985. Ч.1. С.126). Об этом, в частности, говорится в статье I: «Понеже лезгинцы, которые в Ширванской провинции будучи мусульманского закона, востребовали протекцию и быть в подданстве высокой Порты, того ради и высокая Порта в свою протекцию их приняла, и определила ханом их называемого Дауда, которого снабдя дипломом на то чин назначила ему для управления места Шемаху» (ПСЗ, 1830. Т.VII. С.304). Правда, договаривающиеся стороны границы этого ханства сильно урезали, прикаспийские районы вместе с городами Баку и Дербентом отходили по договору к России.: «Подлежащая оному нация границы свои иметь будет по определению обеих сторон, а имянно: надлежит имея добрые и исправные часы среднею ездою ехать, и когда тамо приедут, надлежит сколько часов езды от Шемахи до берега Каспийского моря будет, то на 3 равные части разделить или расположить и зачав от моря в том месте, где 2 трети будут, знак поставлен быть иметь; а третья треть, которая с Шемахинской стороны будет, да будет под властью высокой Порты во владении помянутого хана; а те 2 трети, которые к Каспийскому морю под властью... царя находится, от берега моря внутрь по земле прямо и среднею ездою ехать 22 часа езды, и тамо знак надлежит поставить...» (ПСЗ, 1830. Т. VII. С. 305).

По существу, Ширванскому ханству отводилась роль буферного государства между двумя империями, о чем недвусмысленно свидетельствует статья II: «Шемаха в прежнем своем состоянии да пребудет без всякой новой фортеции и для гарнизону того места со стороны Высокой Порты да не имеют быть определены и отправлены войска, ниже только партикулярный комендант, разве токмо егда стороны Высокой Порты определенный там хан погрешение бунту подобное Высокой Порте являть будет, или ежели явится или произойдет между жителями той провинции какая конфузия или неурядки, противные соизволению Высокой Порты, или буде вознамерится нападениями своими разорять или обеспокоивать сущие места под владением... царя; тогда для отнятия и отдаления от таких неурядков перемен и наказания их, вознамерясь Высокая Порта с своей стороны потребное число войск туда отправить... и по поправлении неурядков, имеют паки назад возвратиться...» (ПСЗ, 1830. Т. VII. С.306). Вместе с тем, было «постановлено, чтоб в том месте, где... сошлись тройные границы (Турции, России и Ирана. – Авт.) позволено... да будет Высокой Порте... граничную крепость построить... равным образом позволено... царю на своей границе также свою крепость построить...» (ПСЗ, 1830. Т. VII. С. 306).

Кроме того, договор признавал за Россией владения, принадлежавшие ей ранее, области, переданные ей шахским Ираном по Петербургскому договору 1723 г., а также часть земель по Самуру, считавшихся под протекцией Сурхай-хана. К султанской Турции переходили бывшие иранские владения в Азербайджане (кроме Ардебилля), Грузии, Армении и часть западных областей Ирана (ПСЗ, 1830. Т.VII. С. 307–308). В Дагестане под власть султана отходили Ахты, Рутул, Цахур и часть лезгинских земель, считавшихся под покровительством Сурхай-хана.

По мнению И.И. Неплюева, Стамбульский договор 1724 г. был успехом российской дипломатии. Оценивая итоги достигнутого соглашения, он сообщал императору: «Турки от Ардебилля отступили и от Мир Вейза (Мир Махмуда. – Авт.) пропозиции не принимать постановили... И за Вашим Величеством подтвердили все то, как Вашему Величеству от шаха Тахмасиба уступлено. А в Ширване от Баку до единения рек Аракса и Куры, а против Шемахи от моря две трети земли, а против Дербента на двадцать-тридцать часа. А Дагистаны все осталось Вашему Величеству, и ничего о тех народах в трактате не поминано» (Цит. по: *Мустафазаде Т.Т.*, 1993. С. 79).

Однако некоторые статьи российско-османского соглашения, принятые Портой по рекомендации де Бонака, были сформулированы так, что предполагали разночтения каждой из сторон в свою пользу, сохраняя почву для разжигания погашенного конфликта. Стамбульский договор 1724 г. открывал долгосрочные перспективы для реализации геостратегических целей на Кавказе как для султанской Турции, так и для России в ущерб интересам местных народов.

Осенью 1724 г. из Ирана прибыл Б. Мещерский, который доложил о провале дипломатической миссии, чему, по его мнению, во многом способствовали донесения тарковского шамхала Адиль-Гирея «о слабости русских в занятых ими провинциях» (*Соловьев С.М.*, 1993. Кн. 9. Т. 18. С. 375). В октябре того же года Петру I было подана записка, где предлагалось, чтобы ген.-л. М.А. Матюшкин уведомил шахское правительство о заключении Стамбульского договора, а также предлагали значительно увеличить количество воинского контингента в Прикаспии.

Император дал на это следующую резолюцию: «Ныне посылать к шаху непотребно, потому что теперь от него никакого полезного ответа быть не может; пожалуй, объявит и то, что они договор подтвердят и потребуют помощи не только против афганцев, но и против турок: тогда хуже будет... Писать к генерал-майору Кропотову, чтоб он искусным и пристойным способом старался поймать шевкала за его противные поступки» (*Кидирниязов Д.С.*, 2011. С. 188), что же касается войск в Прикаспии, то было указано увеличивать их количество за счет казаков (*Махмудова К.З.*, 2012. С. 245).

Не случайно в ходе подготовки проекта трактата султан Ахмед III пытался привлечь на свою сторону дагестанских владетелей, рассчитывая включить в текст будущего соглашения пункт о переходе их владений под свою протекцию. В феврале 1724 г. султан Ахмед III направил Сурхай-хану «жалованную грамоту» в надежде на то, что тот примет подданство Порты, обещая наградить «высшей степени достоинством, чтобы в тех странах возымели вы пристойное владение». Сообщая о том, что такие же грамоты отправлены кайтагскому уцмию Ахмед-хану, его сыну Магомед-хану и Али Султану Цахурскому, И.И. Неплюев уточнял: «Да таковых же пять жалованных грамот послано для раздачи Дагистанским князьям, которых имена неизвестны, оставлены на имена их в тех грамотах места» (*Кидирниязов Д.С.*, 2011. С. 188).

Обращение Ахмеда III не нашло поддержки среди дагестанских владетелей, продолжавших выступать против Хаджи-Дауда Мюшкюрского, на стороне Сурхай-хана, державшегося независимо от османов. В феврале 1724 г. османские министры в беседе с И.И. Неплюевым констатировали, что «все дагистанские князья признали Сурхай бея за главу» (Цит. по: *Мустафазаде Т.Т.*, 1993. С. 79).

Не получив поддержки дагестанских владетелей, Порта пыталась вызвать на помощь войска из Крыма, но вынуждена была отказаться от этой акции ввиду ожидаемого сопротивления российских гарнизонов. В конце августа 1724 г. И.И. Неплюеву стало известно, что «требовали турки, дабы хан крымский послал в Персию татар тридцать тысяч, но в том татары Порте отказали, понеже де им пройти невозможно, яко с оной стороны путь перегорожен новой российской фортецией на Уче и Дербентом» (Цит. по: *Мустафазаде Т.Т.*, 1993. С. 81).

О дальнейших планах императора Петра I мы можем судить по его «пунктам» – указам командующему российским корпусом в Персии ген.-л. Матюшкину. Первой его задачей считалось усиление крепостей в Дербенте, Баку, достройка крепости Святой Крест. Так как российские войска стояли лишь в Гиляне, ставилась задача движения на юго-восток, взятия Мазандерана и укрепления в Астрабаде: «Гилян уже овладена, надлежит Мизендоран також овладеть и укрепить, а в Астрабатской пристани, ежели нужно, зделать крепосу и для той работных людей, которые определены на Куру, употребить в вышеописанные дела» (*Сотавов Н.А.*, 1991. С. 68).

Новые колонии предстояло хозяйственно освоить и получать с них доходы. Матюшкин должен был «единым словом как владение людем, так зборы всякие денежные и всякую экономию в полное состояние привести». Особенно увлекала Петра I надежда прибрать к рукам шелковое дело, сулящее огромные прибыли. В июне 1724 г. он предписал М.А. Матюшкину: «Понеже шелк в Гиляни покупают все на деньги и так зело дорого, того для надлежит осмотреть, сколько людей в Гиляни и Мазандеране ходят за шелком, и ежели не зело великое число, то б помалу своих обучать и приставливать, дабы по времени свои то делали, и так бы дешевле мочно оной доставать, а какое число людей на первой час надобно и сколько по вся годы прислать, о том писать, дабы мы заблаговременно могли оных семьями туды проводить» (*Сотавов Н.А.*, 1991. С. 69).

О намерении российского императора организовать переселение русских, а также вообще христиан в Гилян и Мазандеран говорят и другие источники. В сентябре 1724 г. Петр I указал ген. А.В. Румянцеву, отправившемуся на разграничение российско-турецкой границы в Южном Кавказе: «Понеже путь вам или близ чрез Армению будет, также и в Грузии много армян, того ради сколько возможно старайтесь их подговаривать, чтоб они шли в Гилян и в другие тамошние места жить и, ежели оне многим числом будут, мы персоф будем высылать и им места где оные жили, отдавать...» (Цит. по: *Мустафазаде Т.Т.*, 1993, С. 82).

В другом письме ген. А.В. Румянцеву он писал: «Если турки станут вам об этом говорить, то отвечайте, что мы сами армян не призвали, но они нас по единоверию просили взять их под свое покровительство... надобно смотреть только, чтоб земли принадлежали за кем выговорено в договоре, а народам не надобно препятствовать переходить в ту или другую сторону. Порте еще выгодно будет, когда армяне выйдут, потому, что она тогда без сопротивления землями их овладеет. Прибавь, что если Порта захочет перезывать к себе бусурман из приобретенных нами от Персии провинций, то нам это не будет противно». Ген.-л. Матюшкин же получил прямое

указание селить армян и избавляться от мусульман. 2 июня 1724 г. ему предписывалось: «Тщитца всяким образом, чтоб армян призывать и иных христиан, ежеди есть в Гилян и Мизендран и оживать (давать жилье. – Авт.), а бусурман зело тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавливать, а именно туретского закона. Также когда осмотритца, дабы знать сколько возможно там русской нации на первой час поселить» (*Кидирниязов Д.С.*, 2011. С. 190–191).

10 ноября 1724 г. смертельно больной российский царь Петр I принял делегацию армян и в тот же день подписал указ к воинским начальникам на Каспии. Они были обязаны принимать всех переселявшихся армян, предоставлять им удобные земли «и отдавать им в городах и селах те дворы и пожитки, которые пусты, также и тех из магометан, которые явились в какой противности, или на которых какое подозрение есть, тех выводить вон, а их места занимать оными христианами» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. I. С. 86–87).

Итак, в 1724 г., накануне смерти, Петр I разрабатывал широкую, впечатляющую программу колониального освоения оккупированных территорий. Но уже тогда он думал и о новых завоеваниях, особенно в направлении Южного Кавказа. Плацдармом для этого служили завоеванные прикаспийские провинции. Весной 1724 г. царь дает задания дипломатам и военным, которые должны были, подобно А.П. Волынскому, произвести рекогносцировку на Кавказе. Так, ген.-л. М.А. Матюшкин должен был: «О Куре разведать, до которых мест мочно судами мелкими итить, чтоб подлинно верно было». А.Р. Румянцеву поручалось: «Смотреть накрепко места положения, а именно от Баки до Грузии, какая дорога столь долго мочно с войском итить и мочно ль фураж иметь и на сколько лошадей и путь какоф для войска; мочно ль провианту сыскать; армяня далеко ль от Грузии и с того пути Курюю рекою возможно ль до Грузии итить судами, хотя малыми; состояние и сила грузинцоф и армян, тако ж пути, о которых выше писана, которой удобнее для действ воинских сие самое главное дело». «Завоевание Закавказья и соответственно война с Турцией – вот очередное направление имперской политики Петра на Востоке», – считает Е.В. Анисимов (*Анисимов Е.В.*, 1989. С. 429). Однако этим грандиозным планам уже не суждено было сбыться, в начале 1725 г. Петр I скончался.

Тем временем военно-политическая обстановка на Восточном Кавказе постепенно осложнялась. Попытка правительства султана Ахмеда III утвердить власть Хаджи-Дауда Мюшкюрского в Шемахе с помощью своих войск завершилась провалом. Борьба горцев против османских властей приняла широкий размах. Упорное сопротивление местного населения привело к тому, что дисциплина среди солдат пала, и султан вынужден был сменить своих командующих. В мае 1725 года из Стамбула сообщили, что «в Ширване между войсками их (османов. – Авт.) было замешание, чего ради принуждена Порта Ариффа Агмет пашу из сераскеров выкинуть и на место ево Мустафу пашу определить... лезги, которые находятся в Шемахе, от послушания к Порте по своему непостоянству отказываются и под командою шейх Дауда быть не хотят». Вскоре сам Ибрагим-паша Невшехирли подтвердил И.И.Неплюеву, что Сары Мустафе-паше вновь «повелено нынешнего лета итти с войском в Шемаху и тамо шейх Дауда утвердить, оставя ему для охранения пристойное число войск» (Цит. по: *Мустафазаде Т.Т.*, 1993. С. 93).

Неудачи в Дагестане не остановили геополитической экспансии Османской империи, но изменили ее вектор. Внутренние распри среди афганских правителей позволили султанскому правительству продолжать захваты в Южном Кавказе и западных областях Персии. 21 июля 1725 г. османская армия захватила Тебриз, 25 августа – Гянджу, истребив при этом «обывателей всякого чина людей около тридцати тысяч, в том числе много лезгинов». Воспользовавшись этими успехами, Порта вновь предприняла попытку склонить на свою сторону правителей Казикумуха и Кайтага, но те выставили условия, которые не могли быть приняты султаном: уступить им «во владенье Генжи и своего содержания на таких кондициях, как они были в Персицком владенье» (Цит. по: *Махмудова К.З.*, 2012. С. 250).

Фактически к началу 1725 г. правительство султана Ахмеда III могло опираться только на Хаджи-Дауда и Али Султана. С их помощью оно пыталось подавлять сопротивление дагестанских горцев, грузин, азербайджанцев и армян. Поощряя набеги Али Султана на новые земли России, весной 1725 г. султан Ахмед III пожаловал ему Арешское владение, но поставил условие являться «во главе 300 отборных воинов для отправления службы в Гяндже, Ширване и других провинциях, в которых представится надобность в военных действиях» (АКАК, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 774–775).

Однако вскоре в Стамбуле осознали, что Али Султан и Хаджи-Дауд не в силах выполнить возложенные на них задачи. Поэтому османы продолжали активизировать контакты с наиболее

влиятельными дагестанскими владетелями, в первую очередь с шамхалом Тарковским, надеясь подтолкнуть его на выступление против России.

Тарковский шамхал Адиль-Гирей, недовольный неоднократными насилиями российской администрации над его подданными и, главное, строительством крепости Святого Креста непосредственно у границ своих владений, развернул энергичную военно-дипломатическую деятельность по организации антироссийского выступления в регионе. Еще в 1723 г. аксаевский владетель Султан-Махмуд доносил правительству Петра I: «Слышно нам подлинно, что де собрались все кумыки горские от самих Тарков и до Дербени... и учинил де они токую переговор, чтоб им с войною приехать на новопос троенный город на крепость Святого креста. Также де слышно, что едет на нашу сторону с крымскою силою Бакти-Гирей салтан» (Цит. по: *Абдусаламов М.-П.Б.*, 2008. С.113). Эта информация была подтверждена донесением кумыкского владетеля Чопана: «Тарковский Адиль-Гирей-Шавхал соединился с Дауд-беком, усмеем и Сурхаем..., хотят идти войною на новопостроенные крепости..., а шавхала де Адиль-Гирея сын... посланы в Шемаху для того, чтобы турецкое войско привести сюда, а о турецком войске сказывают, что 200 человек приехали передовые в Шемаху и за остальными послали, чтоб как наискорей шли» (Цит. по: *Абдусаламов М.-П.Б.*, 2008. С. 114). Однако, несмотря на все предпринятые усилия, консолидировать антирусские силы на Северо-Восточном Кавказе шамхалу не удалось, а благоприятная для него внешнеполитическая обстановка с заключением Стамбульского договора 1724 г. безвозвратно упущена. Более того, в оппозицию к тарковскому шамхалу встали влиятельные кумыкские владетели и даже жена Адиль-Гирея «ревностно увещевала его, чтоб он не чинил измены» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. I. С. 80). Тем не менее, в начале 1725 г. тарковский шамхал заявил коменданту Дербента полковнику А.Т. Юнгеру, что он «вздумал... быть с горскими вместе и быть русским неприятелем» (*Сотавов М.Н.*, 2010. С. 51). Вскоре обнадеженный помощью османского султана и Крыма, Адиль-Гирей, возглавив «войски из собственного своего владения, из... бойнакского от него зависящего, от акушинцев и других лезгин, власть шамхала над собою признающих» (*Сотавов М.Н.*, 2010. С. 52), дважды штурмовал Аграханский редут, но был разгромлен и отступил с большими потерями (*Абдусаламов М.-П.Б.*, 2008. С. 120–121). Военная неудача окончательно подорвала влияние тарковского шамхала.

Осенью 1725 г. российское правительство приняло решение о необходимости наказать тарковского шамхала Адиль-Гирея, для чего на Сулак прибыл сам ген.-л. М.А.Матюшкин. Он приказал ген.-м. Г.С. Кропотову «всячески трудиться, чтобы его, шамхала, добыть в свои руки» (*Потто В.А.*, 1912. С. 98). Исполняя этот приказ, Г.С.Кропотов разорил резиденцию шамхала – Тарки, а его самого загнал в горы. Союзник Адиль-Гирея – кабардинский князь Арсланбек Кайтукин – не оказал ему поддержки, в связи с чем шамхал был вынужден обратиться за помощью в Крым, но, как сообщал российский резидент в Стамбуле, его посланникам крымский хан Менгли-Гирей II «не отписався к Порте, никакой отповеди не дал... а между тем их у себя удержал» (Цит. по: *Сотавов М.Н.*, 2010. С. 51–52). Дагестанские владетели, поддерживавшие шамхала – Бойнакский, Эрпелинский и другие – «раскаялись и получили прощение». В сентябре того же года, поддавшись уговорам А. Кайтукина, Адиль-Гирей прибыл в лагерь российских войск. Здесь он был арестован и сослан в Архангельскую губернию, в город Коло, где и умер (*Абдусаламов М.-П.Б.*, 2012. С. 78–79). Более того, российское правительство сочло, что «полезнее не быть шевкалу» (Цит. по: *Соловьев С.М.*, 1993. Кн. 10. С. 9), и указом Сената титул шамхала был ликвидирован, а исполнение верховной власти в Дагестане было возложено на командующего российскими войсками. Вскоре «российской империи поддался и присягу учинил и аманатов дал уцмий Кайтага, купно с ним» присягал старшина Кубачи. Подданство России признали акушинцы и владетели Табасарана. Кайтагскому уцмию было определено жалованье в 2 тыс. руб., а владетелям Табасарана ежегодно посылались подарки (*Кидирниязов Д.С.*, 2011.С. 195).

Видный деятель внешней политики России А.И. Остерман дал следующую ретроспективную оценку Стамбульского договора 1724 г.: «Императорское Величество... имея единое старание как о бережении берегов Каспийского моря и о препятствовании всеконечного опровержения всего персидского государства, так и для сохранения дружбы и мира с блистательною Портою, со оною и во угождение оной учинил трактат, по которому между владения к России и Порты в Персии границы определены, и Порты от всего персидского государства, хотя б шах Тахмасиб оной трактат принял или нет, для удобнейшаго отнятия между всех трех держав подозрения, непроходимые пределы предписаны и постановлены» (Цит. по: *Соловьев С.М.*, 1993. Кн. 10. С. 13).

Спустя всего лишь год после смерти Петра I в ходе переговоров с великим везирем султана И.И. Неплюев твердо настаивал на том, что «Россия не может допустить к Каспийскому морю

никакой другой державы, не может также допустить и Персию до падения: давно уже мы твердим Порте, что Россия считала и считает эти два пункта главными» (*Соловьев С.М.*, 1993. Кн. 10. С. 47).

Таким образом, в середине 20-х гг. XVIII в. российская дипломатия исходила из того, что в случае присоединения кавказских провинций шахского Ирана к Османской империи Россия от Черного до Каспийского морей фактически будет граничить только с Портой, вследствие чего лишится выхода одновременно к двум морям. Допустить это – значило поставить Российское государство перед невиданной ранее геополитической опасностью на Юге, противодействие такому развитию событий потребовало только одно – восстановление внешнеполитических позиций в северокавказском регионе Персии. Однако Сефевидский Иран сумел преодолеть внутривосточный кризис лишь в начале 30-х г. XVIII в., а до тех пор необходимо было удерживать Прикаспийские провинции за Россией. Современник описываемых событий ген. Г. Манштейн, находившийся долгое время при российском дворе, в своих записках отмечал: «Двор российский с особливым удовольствием давно искал хорошего случая с честью избавиться от завоеванных Петром I в Персии областей, которые по причине погибшего там великого числа людей, стоили содержанием гораздо больше, нежели приносили пользы» (*Манштейн Г.*, 1823. Ч. 1. С. 89). Действительно, по подсчетам Е. Зевакина, российское правительство получило от прикаспийских провинций за 1723–1731 гг. доход в сумме 386 669 руб., что не покрывало даже годового расхода на содержание войск (*Зевакин Е.С.*, 1927. № 5. С. 87). «Россия, – писал Г. Манштейн, – должна была содержать в тех областях (Прикаспийских провинциях. – Авт.) почти до 30 000 человек оберегательного войска, и ни одного года не проходило, чтоб не дополнять оное более половины; ибо россияне не могли привыкнуть к тамошнему воздуху умирали... Считают, что с 1722 года, как Петр I занял те области своими войсками, до тех пор, пока русские оттуда вышли, погибло 130 000 человек» (*Манштейн Г.*, 1823. Ч.1. С. 89–90). Другой современник И.-Г. Фоккеродт также считал неблагоприятный климат и высокие расходы главными факторами, предопределившими решение российского правительства о передаче оккупированных территорий в Прикаспии шахскому Ирану (*Кидирнязов Д.С.*, 2011. С. 196). Цена противодействия османско-крымскому экспансионизму на Кавказе, конечно, огромна, но она наверняка была бы выше, если бы император Петр I не сумел закрепить достигнутые Россией успехи на юге Стамбульским договором 1724 г., главным итогом его восточной политики.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдусаламов М.-П.Б.* Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII в. Махачкала, 2008. – 192 с.
- Абдусаламов М.-П.Б.* Кумыкские феодальные владения в кавказской политике России: от Петербургского договора до Гянджинского трактата (1723 – 1725 гг.) // *Армия и общество.* М., 2012. №1. С. 76–82.
- АКАК.* Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. – 950 с.
- Алиев Ф.М.* Азербайджано-русские отношения (XV–XIX вв.). Ч.1. –173 с.
- Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989. – 327 с.
- Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I. – 548 с.
- Зевакин Е.С.* Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIIIв. // *Известия общества обследования и изучения Азербайджана.* Баку, 1927. № 5. С. 47–53.
- Кидирнязов Д.С.* Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.). М., 2011. – 456 с.
- Кидирнязов Д.С.* Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала, 2013. – 456 с.
- Манштейн Г.* Записки исторические, гражданские и военные о России с 1727 по 1744 год. М., 1823. Ч. 1. – 287 с.
- Махмудова К.З.* Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е годы XIX в. Грозный, 2012. – 500 с.
- Мустафазаде Т.Т.* Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку, 1993. – 240 с.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830. Собр. I. Т.VII. – 743 с.
- Потто В.А.* Два века Терского казачества (1557–1801). Т. 2. Владикавказ, 1912. – 235 с.

Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 49. – 641 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 9. Т. 18. – 671 с.; Кн. 10. Т. 19. – 647 с.

Сотавов М.Н. Крымское ханство в русско-турецких отношениях в XVIII в. (1700–1783 гг.) в свете влияния их на Дагестан. Махачкала, 2010. – 168 с.

Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. – 221 с.

Сотавов Н.А., Касумов Р.М. Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара. Махачкала, 2008. – 134 с.

Прошение кумыкского шамхала Адиль-Гирея Петру I о назначении его брата Айдемира правителем над окочанами и черкесами, о желательности признать Сурхай-хана русским подданным. – 1722 г. декабря 12 // Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958. – 336 с.

Ответы Петра I по пунктам в письме к тайному советнику П.П. Толстому // Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958. – 336 с.

Письмо казикумухского владельца Сурхая шамхалу Адиль-Гирею с требованием вывода царского войска из пределов Дагестана. – 1723 г. апреля-мая // Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958. – 336 с.